

**РУССКИЙ РОМАН
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

1

На различных этапах развития мирового романа руководящую роль в этом процессе играли представители различных национальных литератур. Вслед за периодом расцвета испанского романа первенство в развитии жанра романа в XVIII в. перешло к английской, немецкой и французской литературам. Во второй половине XIX в. на первое место выдвинулся русский реалистический роман, ставший одной из вершин всего передового реалистического искусства XIX в.

Стремительное развитие русской классической литературы, отмеченное Горьким¹, особенно отчетливо проявилось в истории русского романа. Возникнув в середине XVIII в., — позднее, чем на Западе, — русский роман сумел, однако, сравнительно очень скоро не только овладеть основными художественными приемами и средствами, накопленными развитием романа в предшествующую эпоху, но и занять ведущее положение в мировой литературе.

Изучая историю мировой культуры, Маркс и Энгельс отметили, что в истории общественного развития, развития литературы и искусства существуют свои классические формы, которые приобретают общечеловеческое значение, так как они отражают сущность данной ступени исторического развития в наиболее чистом и законченном виде. Так, классической формой эпоса Маркс считал поэмы Гомера — не потому, что он недооценивал значение позднейшего, средневекового эпоса, а потому, что считал, что поэмы Гомера отражают общие, родовые черты эпической поэзии в ее наиболее законченной и в этом смысле классической форме.

Так же как поэмы Гомера или драматургия Шекспира, русский роман XIX в. может быть с полным основанием причислен к классическим явлениям в развитии художественного творчества — в том специфическом смысле этого слова, какой оно имело в суждениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Исторические условия развития России в XIX и в начале XX в. позволили русским романистам создать тип реалистического романа, явившийся особенно полным осуществлением тех широких возможностей, которые жанр романа дает для изображения общественной жизни.

На протяжении всей истории европейского романа нового времени великие романисты стремились превратить роман в широкое, всеобъемлющее отражение центральных проблем индивидуальной и общественной жизни, рассматриваемых в их сложном и противоречивом единстве, ставили своей целью охватить в романе основные явления своей эпохи.

¹ См.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 64.

Свойственное великим романистам прошлого стремление превратить роман в зеркало важнейших процессов общественной жизни и исторической борьбы получило ярчайшее выражение в реалистической литературе XIX в. Особые исторические условия развития русского романа дали возможность великим русским романистам с исключительной идеиной глубиной, с особой полнотой и художественным совершенством разрешить в своем творчестве ту общую историческую задачу, над решением которой трудились все лучшие представители мирового искусства художественного слова.

История мировой литературы свидетельствует о том, что для появления классических образцов романа были всегда особенно благоприятными переломные эпохи — периоды крупных общественных сдвигов, напряженной борьбы старого и нового. Первые образцы повествовательных произведений, близких по форме современному роману, возникли еще в древнем мире и в средние века. Но только эпоха Возрождения — эпоха «грандиозного прогрессивного переворота» от средних веков к новому времени — способствовала созданию таких поистине всеобъемлющих произведений, как «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле и «Дон-Кихот» Сервантеса — романов, которые явились широким зеркалом общественной жизни своей эпохи, выражением ее самых заветных дум и чаяний. Новый — после эпохи Возрождения — расцвет западноевропейского романа был связан с эпохой Просвещения — эпохой подъема буржуазной демократии на Западе и Французской буржуазной революции XVIII в. А реалистический роман XIX в. на Западе возник в эпоху предельного обострения противоречий буржуазного общества, в эпоху, отмеченную, с одной стороны, напряженной борьбой между аристократией и буржуазией за руководящую роль в общественной жизни, с другой — первыми революционными выступлениями пролетариата в Англии и Франции и возникновением научного социализма.

Идейная ценность и эстетическое совершенство русского классического романа XIX и начала XX в., как и художественные достоинства лучших, классических образцов предшествующего и современного ему западноевропейского романа, теснейшим образом связаны с тем, что он возник в обстановке напряженной борьбы исторических сил, в условиях крутого перелома в жизни своей страны.

Анализируя творчество Л. Толстого, В. И. Ленин гениально показал, что его мировое значение (как и других великих явлений русской литературы XIX в.) неотделимо от мирового значения русской революции, не может быть осмыслено вне правильного понимания особенностей исторического развития России в этот период. Это относится и к вопросу о мировом значении русского романа.

Развитие русского романа, его расцвет в XIX и начале XX в. явились отражением тех исторических сдвигов, которые переживала Россия в этот период. Русский роман сложился в условиях поворота в историческом развитии России от крепостничества к капитализму, в условиях нараставшего подъема русского освободительного движения. Он создавался в эпоху подготовки в России буржуазно-демократической революции, которая значительно отличалась по своему характеру и по своим движущим силам от более ранних буржуазно-демократических революций на Западе и которая

явились в исторических условиях, сложившихся в России к началу ХХ в., непосредственным прологом социалистической революции. Эта переломная эпоха, полная огромного внутреннего напряжения, эпоха переворота в условиях жизни широких слоев населения России, в психологии и идеологии различных классов русского общества породила тот величественный гражданский пафос изучения правды жизни, пафос глубоких размышлений над историческими судьбами своей страны и народа, горячих поисков, сопоставления и критического анализа моральных и политических идеалов, который отражен в русском классическом романе XIX и начала ХХ в.

2

Для того чтобы жанр романа мог получить то значение, которое он приобрел в развитии русской и зарубежной литературы в XIX в., он должен был повсеместно пережить в ходе своего исторического развития глубокую внутреннюю трансформацию. Античный, по преимуществу любовный, и средневеково-рыцарский романы не могли по своей природе явиться тем, чем стал, по определению Белинского, роман в XIX в.: выражением «поэтического анализа общественной жизни», освещавшего ее наиболее глубокие внутренние закономерности, раскрывающего взаимоотношения индивидуальности с обществом и народом во всей их жизненной совокупности и конкретной исторической сложности. Первыми образцами романов, в которых за изображением индивидуальных судеб героев скрыт анализ более глубоких сторон исторической жизни изображаемой эпохи, были «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле и «Дон-Кихот» Сервантеса, отразившие пафос глубоких исканий, гуманистических и в то же время скептических размышлений о вызвавшей их к жизни переломной эпохе.

Роман XVII—XVIII вв. в различных своих разновидностях авантюрно-плутовского, нравоописательного и сентиментального типа был шагом вперед по сравнению с романом эпохи Возрождения с точки зрения большей естественности и правдоподобия изображаемых событий, приближения к повседневной «прозаической» стихии буржуазного существования, более обыденного масштаба героев. Но, став более или менее послушным и верным зеркалом частной жизни, роман XVII—XVIII вв. утратил ту народность и тот грандиозный масштаб, какой был свойствен комическим эпосам Рабле и Сервантеса. В последних рассказ о похождениях необычных и даже фантастических героев — таких, как великаны Гаргантюа и Пантагрюэль или странствующий рыцарь Дон-Кихот, — давал представление о больших исторических закономерностях времени, а также простонародные персонажи, как Панург или Санчо Панса с их шутовскими проделками и прибаутками, занимали почти столь же важное место, как и возвышенные герои рыцарского или дворянского происхождения. Подобной широты изображения не знал роман XVII—XVIII вв. Европейская литература выдвинула в этот период целый ряд романистов — мадам де Лафайет и аббат Прево, Лесаж и Дефо, Филдинг, Смоллет и Стерн, Вольтер и Дидро, романы которых, проложив для развития этого жанра новые пути, все же не достигали энциклопедической широты произведений великих романистов Возрождения.

В XIX в. исторические обстоятельства сложились иначе. Великая французская буржуазная революция и развернувшийся почти одновременно с нею грандиозный промышленный переворот разрушили своюственную просветителям XVIII в. иллюзию, согласно которой исторические и политические судьбы людей являются простой надстройкой над их частной жизнью. Эти исторические события показали, что закономерности как прошлой истории человечества, так и жизни современного общества невозможно изучать лишь на судьбах отдельно взятых, изолированных от общества людей или же на примере отдельно взятой семьи. Огромные массы людей в результате полного или частичного разрушения прежних «неподвижных», патриархально-крепостнических условий жизни были втянуты в историческую борьбу, на собственном жизненном опыте почувствовали связь между «частной» и общественной жизнью, зависимость своей личной судьбы от силы объективных исторических обстоятельств. Этот новый исторический опыт человечества получил свое отражение в романе XIX в. Роман эпохи Возрождения в образах полуфантastических героев отражал большие и сложные противоречия мировой истории. Роман XVII и XVIII вв. сосредоточил свое внимание, наоборот, по преимуществу на психологии и судьбе отдельной личности, на истории ее нравственного формирования и последующем воздействии ее на окружающую среду. Роман же XIX в. в известной мере подытожил, соединил завоевания обоих этих типов романа. Характеры отдельных персонажей, обрисованные со всей возможной полнотой и психологической убедительностью, их судьбы и переживания он сделал центром большой картины, реалистически раскрывающей сложную связь личного и общественного, конкретное взаимодействие типичных характеров и социальных обстоятельств. Благодаря превращению из более или менее узкой по содержанию картины «частной» жизни (каким он был в XVII и XVIII вв.) в широкую, универсальную картину общества и общественных нравов роман в XIX в. поднялся на такую художественную высоту, что романист мог стать, по определению Бальзака, подлинным «историком» общества².

Превращение романа в широкую и емкую по своему охвату аналитическую картину общественной жизни явилось предпосылкой расцвета жанра реалистического романа в прогрессивной мировой литературе XIX в. В России преобразование жанра романа в этом направлении было совершено в 20—40-х годах XIX в. Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, сделавшими его орудием художественного анализа психологии «современного» русского человека, рассматриваемого в тесной связи с социальной обстановкой и историческими условиями жизни народа.

На протяжении первой половины XIX в. русский роман прошел путь от галереи «типов», собрания разрозненных сцен и эпизодов, связанных воедино при помощи традиционной, устойчивой любовной или авантюрной фабулы (какими были романы А. Е. Измайлова и В. Т. Нарежного), к широкому, многостороннему освещению основных проблем национальной истории и жизни современного ему русского общества, к творческому изображению ее социально-психологических характеров, противоречий

² См.: Бальзак О. Собр. соч.: В 15 т. М., 1951. Т. 1. С. 9.

и конфликтов. Обоснованное на практике Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, а в критике Белинским понимание романа как литературного жанра, задачей которого является «поэтический анализ» общественной жизни, было исходной точкой для дальнейшего развития русского романа в творчестве Тургенева и Чернышевского, Достоевского и Щедрина, Л. Толстого и М. Горького, произведения которых явились величественной летописью социально-политической и идеино-психологической жизни своей страны и народа.

Существенное обстоятельство, определившее своеобразие русского романа по сравнению с английским и, в особенности, французским, — «синтетический» (условно говоря) его склад (в отличие от «аналитического» склада французского). Бальзак, Золя (а отчасти и Диккенс) посвящали каждый из своих романов особому кругу проблем (политике, «частной жизни», школе, суду, прессе и т. д.), новому «этажу» общественного здания. С помощью ряда отдельных гигантских фресок, из которых каждая изображает один из узлов общественного целого, они стремились по частям художественно воссоздать свою страну и эпоху. Великие же русские романисты шли к решению той же задачи иным путем — не только потому, что они осознавали потенциальную неисчерпаемость ее при разложении общества на отдельные звенья, но и в силу сознания ими органической целостности национальной жизни, невозможности для художника ее механического членения без ущерба для общего смысла картины. Это позволило им достичь больших результатов при выявлении общих драматических черт жизни общества своей эпохи, взятого в конкретном единстве и динамике образующих его противоречий, в нераздельном сцеплении жизни верхов и низов, большого и малого, обыденного и исключительного, высокого и низкого, бытовой, повседневной стороны жизни и ее поэтически-просветленных порывов и явлений.

Связь русского романа с общественной жизнью и освободительным движением позволила ему на каждом этапе жизни страны широко ставить вопрос об основном герое-деятеле, характерном для этого этапа, и о его связи с народом. В лице Онегина, Печорина, Бельтова, в образах героев романов Тургенева, Гончарова, писателей-демократов, Льва Толстого, а в XX в. — в образах героев Горького русский роман воплотил основные типичные социальные, психологические и моральные черты, характерные для деятелей русского освободительного движения на разных его исторических этапах. С огромной силой и выразительностью русский роман отразил ту смену сословий и классов, которая на протяжении XIX в. совершилась в истории передовой русской культуры и освободительного движения. Русский роман обрисовал наиболее типичные особенности социальной, психологической и нравственной физиономии каждого из поколений общества, показал смену дворянских революционеров и поколения «лишних людей» «новыми людьми» — деятелями из более широкой, недворянской, разночинной среды, исследовал процессы, связанные с пробуждением народных масс, их выступлением на арену исторической жизни и социального творчества. Осветив сущность каждого из главнейших периодов в истории русского общества, проанализировав характерные для этих периодов идеи и социально-психологические типы, русский роман дал широкое, многостороннее изображение основных

особенностей русского национального характера, схваченного в его развитии, в историческом движении, обусловленном развитием страны и народа.

Русские романисты XIX в. жили в эпоху распада в России патриархально-крепостнического уклада жизни, в эпоху постепенного развития в ней элементов капитализма. В то же время на Западе, в более передовых странах капитализма, они могли наблюдать черты уже вполне сложившегося буржуазного общества, а несколько позднее — первые признаки его упадка, которые особенно отчетливо обнаруживались к концу XIX в., в период перехода от домонополистического капитализма к эпохе господства реакционного финансового капитала. На протяжении этой исторической полосы в России росло сначала дворянское, а во второй половине XIX в. разночинское по социальному составу своих участников освободительное движение, усиливалось брожение широких народных масс. На Западе это был период первых революционных выступлений рабочего класса, период ряда социальных и политических переворотов, усиления национально-освободительного движения. Эта сложная, неустойчивая переходная обстановка усилила критическое отношение к действительности, свойственное передовым русским писателям-романистам, обостряла их понимание социальных и политических отношений своего времени. Глубоко критическое отношение к застенному крепостническому миру «мертвых душ» сочеталось в их мировоззрении с неприятием шедших ему на смену антагонистических буржуазных форм прогресса; революционные настроения, порожденные борьбой с сословностью и крепостным правом, крепли благодаря разочарованию в либерально-буржуазных иллюзиях. Отсюда характерное для русского романа сочетание исключительной широты социально-исторического кругозора, мощной обличительной, критической мысли и глубокого отражения сложнейших интеллектуальных и моральных исканий, свойственных передовой части русского общества.

Русский роман XIX в. на всем протяжении своего развития был насыщен суровым пафосом отрицания. В гоголевской галерее «мертвых душ», в сатирических образах Щедрина, в гончаровском «Обломове», в романах Тургенева, Достоевского, Льва Толстого, в «Кто виноват?» Герцена, в романах «Что делать?» и «Пролог» Чернышевского по-разному проявились свойственные русскому роману XIX в. в лице его наиболее выдающихся представителей дух беспощадного критического анализа, осуждение быта, политики и культуры господствующих классов. Многие отрицательные образы и типы, созданные русскими романистами XIX в., получили международное значение благодаря силе и широте своего сатирического замысла. В творчестве основоположника соалистического реализма М. Горького критический пафос классического русского романа XIX в. поднялся на новую ступень, перерос в пафос сознательной, открытой борьбы с буржуазно-капиталистическим миром, со всеми формами классового порабощения и эксплуатации трудящихся.

Критическое отношение к социальным верхам сочеталось в творчестве великих русских романистов XIX в. с вниманием к народным массам и стремлением содействовать своим творчеством их историческому пробуждению. Ни одна из европейских литератур не была в XIX в. так тесно связана в своих исканиях с широкими народными массами, как

русская литература. Эта общая отличительная особенность русской литературы XIX в. отчетливо сказалась в творчестве наших романистов, создавших многочисленные незабываемые образы, раскрывающие социально-психологический облик пробуждавшейся «безымянной» народной России.

В капиталистических странах Запада революционно-демократическая энергия широких крестьянских масс к середине XIX в. была серьезно ослаблена. В России же именно в этот период происходило нарастание широкого демократического крестьянского движения. Это могучее, нарастающее движение питало оптимизм крупнейших русских писателей, усиливало их веру в человека, вселяло в них надежду на конечную победу гуманизма и человечности над силами буржуазного эгоизма и своекорыстия. В то время как Бальзак и Золя в своих романах о деревне правдиво изобразили победу темных, отупляющих, собственнических черт в психологии французского мелкого крестьянина, русские романисты черпали в народе и его исканиях уверенность в завтрашнем дне, веру в светлое, гуманное начало человеческой природы, в скрытый разум истории и отдельной личности. Это дало русским романистам огромные преимущества перед их западными собратьями, обогатило их реализм, их понимание человека.

Гуманизм и демократизм русской литературы определили особый характер психологического мастерства русских романистов. Следствием широко распространенной на Западе во второй половине XIX в. натуралистической теории романа, вульгарно-материалистического понимания взаимоотношения физиологии и психологии было настойчивое стремление «освободить» героя романа от внутренней сложности путем сведения всей его душевной жизни к элементарным, простейшим влияниям физиологической организации, «среды» и наследственности. Русские писатели-реалисты того времени, в особенности Толстой и Достоевский, исходили из иного, более сложного и глубокого, понимания природы человека. Поэтому своеобразное французской натуралистической школе упрощение психологии персонажей встретило решительное осуждение великих русских романистов. В противоположность писателям-натуралистам русские романисты поставили в центр своего внимания человека не с бедной, элементарной, а с богатой и напряженной душевной жизнью; они сумели благодаря своему гуманизму обнаружить наличие богатого, сложного и изменчивого внутреннего мира у самого простого, незаметного, рядового человека «толпы». При этом анализ внутренней, душевной жизни человека они не оторвали от анализа формирующих и определяющих жизнь индивидуальности общественных условий, но показали сложную обусловленность развития человеческой психики внешней материальной обстановкой.

Благодаря этим своим особенностям русский роман стал для русского общества XIX в. подлинным учебником жизни. В нем нашли свой отзвук все передовые философские и моральные искания, думы и социальные чаяния русского общества. Страстный гуманизм, сочувствие « униженным и оскорбленым », исключительная глубина психологического анализа, умение пропикать в сложные процессы народной жизни и в то же время в самые скрытые и тонкие движения человеческой души и сердца,

защита идеи равенства и братства народов, утверждение образа человека — активного искателя и борца сделали русский классический роман от Пушкина до Горького одним из драгоценнейших достояний передовой культуры человечества, важнейшим явлением в истории мирового художественного слова.

Н. Г. Чернышевский писал в 1856 г. в последней статье «Очерков гоголевского периода»: «В странах, где умственная и общественная жизнь достигла высокого развития, существует, если можно так выразиться, разделение труда между разными отраслями умственной деятельности, из которых у нас известна только одна — литература. Поэтому как бы ни стали мы судить о нашей литературе по сравнению с иноземными литературами, но в нашем умственном движении играет она более значительную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном движении своих народов, и на ней лежит более обязанностей, нежели на какой бы то ни было другой литературе. Литература у нас пока сосредоточивает почти всю умственную жизнь народа, и потому прямо на ней лежит долг заниматься и такими интересами, которые в других странах перешли уже, так сказать, в специальное заведывание других направлений умственной деятельности. В Германии, например, повесть пишется почти исключительно для той публики, которая не способна читать ничего, кроме повестей, — для так называемой „романной публики“. У нас не то: повесть читается и теми людьми, которые в Германии никогда не читают повестей... У нас до сих пор литература имеет какое-то энциклопедическое значение, уже утраченное литературами более просвещенных народов... Поэт и беллетрист не заменимы у нас никем. Кто, кроме поэта, говорил России о том, что слышала она от Пушкина? Кто, кроме романиста, говорил России о том, что слышала она от Гоголя?»³

По сравнению с романистами Западной Европы, где в середине XIX в. революционность буржуазной демократии уже умирала, а революционность социалистического пролетариата еще не созрела, великие русские романисты, жившие в период острой ломки крепостничества и подготовки буржуазно-демократической революции в России, яснее ощущали переходный характер своей эпохи, более остро чувствовали противоречие между жизнью верхов и низов. Развернувшееся в России во второй половине XIX в. народное брожение, ощущение передовой интеллигенцией ненормальности существующих форм жизни и необходимости их коренного изменения не позволяли в России обычно даже романистам «второго» плана замкнуться в кругу субъективных, интимно-психологических проблем или рассматривать свое творчество с «цеховой», узкопрофессиональной точки зрения. Вследствие остроты противоречий жизни царской России общественные вопросы властно вторгались в сознание русского писателя, вызывая у него к себе горячее и страстное отношение, побуждая его часто, подобно охарактеризованным Энгельсом «титанам» Возрождения, непосредственно участвовать в практической общественной борьбе или смело отзываться на нее в своем творчестве. Обусловленная нерасторжимой связью литературы, общественной жизни и освободительного движения, связью, характерной для России XIX и начала XX в., «энцикло-

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 303—304.

педичность» русского романа явилась важнейшей предпосылкой его расцвета и его мирового значения. Писатель-романист в России стоял, как правило, в гуще общественной борьбы, относился с повышенным вниманием к «интересам своего времени». Благодаря этому не только тип писателя-романиста, но и его взаимоотношения с читателем в России XIX и начала XX в. были иными, чем на Западе.

История буржуазного романа XIX в. на Западе свидетельствует о том, что взаимоотношения романиста и читающей публики становились здесь, в ходе развития капиталистических отношений, все более болезненными. Уже Стендаль трагически переживал глухую стену отчуждения во взаимоотношениях между романистом и его читателями. Свои романы он вынужден был предназначать «для немногих» и для будущих поколений, так как отчаялся найти для них читателей среди своих современников. Разлад между идеальными и художественными устремлениями романиста и уровнем мещанских требований окружавшей его буржуазной публики толкал многих выдающихся романистов Запада на путь болезненного индивидуализма, заставляя их, подобно Флоберу, замыкаться в «башне из слоновой кости».

В России XIX и начала XX в. господствующий тип взаимоотношений между романистом и его читателями был иным, чем во Франции и других капиталистических странах Западной Европы. Уже одно существование крепостнической цензуры, та полицейская опека над литературой и литераторами, которую различными путями осуществляло царское самодержавие, вносили неизгладимые трагические черты в положение русского писателя-романиста. Этим полицейским и цензурным вмешательством не исчерпываются преграды, которые возникали на путях взаимопонимания между романистом и его читателями: стоит вспомнить об изображении трагического противоречия между высоким назначением искусства и пошлыми вкусами дворянской публики в гоголевском «Портрете», позднейшие, вызванные разгулом реакции 80-х годов, страдальческие жалобы Салтыкова на то, что среди долетающих до него голосов читателей романисту не удается услышать голоса «читателя-друга». И все же отношения между романистом и читающей публикой в России в силу ряда исторических причин были в общем принципиально иными, чем в странах Западной Европы. Развитие русского освободительного движения, способствовавшее постоянному расширению читательской аудитории, рост демократического сознания широких народных масс создали в России более благоприятные отношения между романистом и его читателями, чем те, которые обычно складывались в XIX в. в странах с более зрелыми буржуазными общественными отношениями. Как показал Энгельс на примере Англии, уже в 40-е годы XIX в. настоящего читателя, любовно относящегося к ним и способного их оценить, выдающиеся писатели Запада скорее могли найти для себя не среди буржуазной публики, а среди рабочих. Однако в силу особенностей той переходной эпохи, в которую они жили (и связанных с нею противоречий своего мировоззрения), лишь немногие из выдающихся писателей XIX в. на Западе — даже те из них, которые особенно мучительно сознавали духовное убожество буржуазной публики, — искали своего читателя среди трудящихся. Виной этому были отчасти классовые предрассудки, опутывавшие сознание крупнейших бур-

жуазных писателей-романистов, отчасти — недостаточный уровень сознательности, присущий в ту эпоху массам трудящихся города и деревни.

В России писатели-романисты XIX в., припадлежавшие по своему социальному положению и взглядам к дворянской и разночинной интеллигенции, также в силу исторических условий времени не могли обычно рассчитывать на то, что их романы будут при их жизни прочитаны и поняты народом. Но в среде передовой дворянской и демократической интеллигенции, в особенности в среде молодежи, близкой к освободительному движению, русские романисты находили для себя такой благоприятный тип читателя, такую широкую читательскую аудиторию, отпосяющуюся к литературе с подлинным энтузиазмом, каких не имели не только английские или немецкие, но и французские писатели середины и второй половины XIX в. Передовой русский читатель XIX в., воспитанный Белинским и Добролюбовым, Герценом и Чернышевским, видел в русской литературе, и в особенности в русском романе, важнейшее национальное достояние, могучее орудие умственного и нравственного развития общества. Он ждал от писателя-романиста не наслаждения и развлечения, не заполнения праздного досуга, но жизненно необходимой ему духовной пищи, смотрел на писателя как на интеллектуального и нравственного воспитателя своего поколения и всего русского общества в целом. Возникший в атмосфере высокого уважения к литературе и столь же высокой требовательности к ней со стороны передового русского читателя, русский роман не мог не считаться с характером и интересами своей читательской аудитории. Если классический русский роман XIX и начала XX в. в лучших образцах явился ярким выражением стремления к правде, к свободному от условных романтических прикрас, от сословных иллюзий и предрассудков пониманию всей реальной картины жизни страны и народа, если в нем отразилась атмосфера высокого интеллектуального подъема и необычайной моральной требовательности к себе, то это объясняется не только особенностями таланта и мастерства передовых русских романистов, но и настроением, владевшим умами передовой русской читательской публики.

Говоря об общественно-исторических предпосылках, способствовавших формированию русского романа и его мировому значению, нельзя не вспомнить еще об одном важном факторе, сыгравшем заметную роль в его развитии. Этим фактором была русская демократическая критика, которая на всем протяжении развития русского романа в XIX в. оказывала ему огромную помощь, способствуя его развитию на путях глубокой идейности, реализма и служения народу.

В эпоху западноевропейского Просвещения XVIII в. не роман, а изобразительное искусство и драматургия стояли в центре внимания передовой эстетической и критической мысли. Хотя Дидро и сам был выдающимся романистом, но в своих «Салонах», в «Опыте о живописи», в «Беседах о „Побочном сыне“», в «Опыте о драматической литературе» он в борьбе с традициями классицизмаставил главной задачей обоснование реалистических принципов в области живописи и театра. Лессинг как эстетик и критик способствовал в первую очредь утверждению немецкой национальной драматургии. Лишь Шиллер и Гёте (в период создания

«Ученических годов Вильгельма Мейстера»), молодой Фридрих Шлегель и другие романтики в Германии, представители либеральной и романтической критики во Франции 20—30-х годов выдвигают на одно из первых мест в области литературной теории и критики обсуждение проблем романа, его эстетики и поэтики. Не классическая буржуазная критика эпохи Просвещения, а великие романисты XVIII — начала XIX в. в наибольшей мере способствовали на Западе теоретической разработке проблем романа, его содержания и формы. Проблемы эти явились предметом широкого обсуждения в критике лишь после того, как они были поставлены на практике (а отчасти и в теории) Ричардсоном и Филдингом, Гёте и Жан-Полем Рихтером, Вальтером Скоттом, Стендалем и Бальзаком.

Русская революционно-демократическая эстетика и критика 40 — 60-х годов XIX в. (в отличие от западноевропейской эстетики и критики эпохи Просвещения) сформировалась в период, когда роман занял ведущее место в мировом художественном развитии и начал оказывать возрастающее влияние на развитие живописи, драматургии и других областей искусства. Этим объясняется то обстоятельство, что вопросы романа, начиная с первых выступлений Белинского, находились постоянно в центре внимания русских революционных демократов.

Взаимодействие между подлинно передовой эстетической и критической мыслью, стремившейся к теоретическому уяснению проблем романа в связи с анализом общественной жизни, с одной стороны, и творческимиисканиями крупнейших представителей национальной литературы в том же направлении — с другой, помогло русскому роману XIX в. быстро окрепнуть и сложиться, достичь свойственного ему сочетания высокой идейности и художественного мастерства.

Русская демократическая критика XIX в. учила русских романистов рассматривать в качестве своей первой важнейшей обязанности правдивое, неприкрашенное изображение общественной жизни во всей ее реальной сложности, со всеми присущими ей в данную эпоху настроениями, идеями, историческими противоречиями. Она призывала романиста освещать сложные пути прошлого, настоящего и будущего, чутко отзываться на интересы и потребности демократического читателя, выражать его чувства и идеалы, прививала романисту сознание его огромной ответственности перед своей страной и народом, воспитывала в нем глубоко сознательное отношение к традициям предшествующей русской и мировой литературы (в частности, к различным традициям русского и зарубежного романа). Таким образом, русская демократическая критика в лице лучших ее представителей поддерживала и направляла идейные и творческие искания русских романистов своей эпохи, помогая им подняться на ту историческую высоту, которая сделала их творчество выдающимся шагом вперед в художественном развитии человечества.

Благодаря широкой постановке основных социальных, политических и моральных проблем своего времени русский роман на всем протяжении XIX в. был не только могущественным средством эстетического воспитания русского общества. Он стал также одним из важнейших орудий его просвещения и революционного развития. Эта особая роль русского романа в истории умственного движения и в развитии революционных идей

русского общества нашла отражение в критических статьях Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Плеханова, посвященных творчеству русских романистов.

3

Значение крупных явлений мировой литературы так или иначе всегда было связано с эстетическим и общественным воздействием их главных, центральных образов. Значение «Илиады», «Песни о Роланде» или русского былинного эпоса определяется не только полнотой изображения в них определенной эпохи жизни своего народа, но и теми героическими чертами, которые свойственны центральным персонажам этих эпических произведений, величием, поэтичностью и привлекательностью их характеров, вобравших в себя лучшие черты, свойственные создавшему их народу в ту эпоху. То же самое относится к трагедиям Шекспира, Расина или драмам Шиллера, в которых образы центральных персонажей воплощают в себе в концентрированном и сгущенном виде тот наивысший уровень развития человеческого ума и совести, который мог быть достигнут лучшими людьми в эпоху жизни и творчества этих великих драматургов.

Место русского романа в национальном и мировом художественном развитии, его значение в истории передовой культуры человечества также неотделимы от нравственной высоты, от богатства интеллектуального и морального содержания его центральных персонажей.

Горький отметил, что главной магистральной темой всего европейского и русского романа в его классическую эпоху и в особенности в XIX в. была «история молодого человека». Выдвижение образа «молодого человека» на центральное место в западноевропейском и русском романе XIX в. не было случайным. Выдающиеся романисты в России и на Западе в XVIII и XIX вв. критически относились к «хозяевам жизни» своей эпохи. Поэтому центральным положительным персонажем своих произведений они делали обычно образ не прочно определившегося, достигшего жизненного успеха, а еще только складывающегося, ищащего своего пути и своего места в обществе человека. Выдвижение на центральное место образа «молодого человека» в романе XVIII и XIX вв. отражало, таким образом, критическое отношение романистов к сложившимся в их времена общественным формам. В образе «молодого человека» выразился преимущественный интерес романистов не к тому, что успело вполне выявиться в их эпоху, а к тем исканиям и «бурным стремлениям», которые, хотя бы смутно, раскрывали перспективу общественного развития, намечали путь от настоящего к будущему. Не характеры персонажей, чувствующих себя как рыба в воде в современных им общественных условиях, а характеры ищащие, движущиеся, формирующиеся — характеры, в большей или меньшей степени находящиеся в противоречии со своей средой и господствующими в обществе жизненными нормами, отражали в романе XVIII и XIX вв. в первую очередь прогрессивное движение истории.

Мировое значение различных национальных форм романа — английского, французского или немецкого — в XVIII и XIX вв. и определялось в очень большой мере высотой морального и интеллектуального уровня, достигнутого их центральными персонажами, уровня, находящего свое

выражение в содержательности их жизненных стремлений и исканий. Когда английский роман в XVIII в. приобрел общеевропейское значение, его международная роль и повсеместное влияние были тесно связаны с тем, что его герои — такие молодые люди, как Том Джонс, или такие молодые девушки, как Кларисса Гарлоу, герои-чудаки Стерна и Гольдсмита — поразили современников и привлекли к себе их сердца своей моральной чистотой, упорством и стойкостью в беде, отвращением к сословным предрассудкам и условностям, ко лжи и лицемерию, господствовавшим в обществе. Когда в конце XVIII в. с влиянием английского романа начало бороться влияние романов немецкого и французского, это было обусловлено тем, что Руссо в Юлии и Сен-Пре, Гёте в Вертере и Вильгельме Мейстере создали образы новых героев, которые по уровню своих человеческих исканий, по своему моральному и интеллектуальному облику превзошли героев Филдинга и Ричардсона или стерновского Йорика. Позднее, в эпоху романтизма, английский, французский и немецкий роман выдвинули новых героев, от высоты интеллектуального и морального облика которых также непосредственно зависело влияние каждого из них на души читателей и на развитие мировой романистики.

Выдающееся значение классического русского романа в истории мировой романистики XIX—начала XX в. теснейшим образом связано с тем, что русские писатели смогли создать галерею героев, которые по высоте своего интеллектуального и нравственного уровня, по глубине и напряженности духовных исканий явились образцами во всей новейшей истории романа. История реалистического романа XIX в. не знает других героев, обладающих такой силой анализа и такой чуткой совестью, как герои Тургенева, Л. Толстого и Достоевского, такой преданностью своим убеждениям и своему жизненному делу, как Базаров и Рахметов. Образ центрального героя русского романа XIX в. явился новым словом в развитии эстетических идеалов мировой художественной литературы, в ее работе над созданием образа положительного героя.

И на Западе в XIX в. общественная жизнь создавала свои типы борцов и правдоискателей. Однако в силу сложившихся там исторических условий реалистическая литература (и, в частности, роман) редко обращалась к изображению подобных типов. В романах Бальзака фигура двойника самого автора — талантливого писателя и философа д'Артеза, образ революционера Мишеля Кретьена помещены не в центре воссозданной романистом картины общества, а как бы на ее краю. В русском же послепушкинском романе XIX в. — и в этом заключается его огромное историческое своеобразие — образы людей, одаренных глубоким умом и чуткой совестью, сконцентрировавших в себе пафос передовых умственных и нравственных исканий эпохи, оказались в силу исторического положения вещей не на периферии, а в самом центре обрисованной в этих романах картины национальной жизни. Именно в образах мыслящих, беспокойных и ищущих героев романист сумел здесь уловить, пользуясь выражением Тургенева (восходящим к Шекспиру), «образ и давление времени»⁴, ощутить прогрессивное движение русской и всемирной истории.

В силу исторического своеобразия путей развития романа в Англии

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М., 1966. Т. 12. С. 303.

и во Франции реалистический роман не дал здесь в XIX в. героев такого интеллектуального и морального масштаба, какими явились на рубеже XVIII и XIX вв. гётеvский Вертер или Вильгельм Мейстер. Образ человека высокого интеллектуального уровня, обладающего чуткой совестью и широким интересом к узловым вопросам современной жизни, стремящегося перестроить свою собственную жизнь и изменить существующие обстоятельства, — такой образ в литературах Англии и Франции XIX в. разрабатывали по преимуществу писатели-романтики, а не создатели позднейшего классического реалистического романа. Ни Жюльен Сорель Стендalia, мужественный и энергичный, но рассудочный, отчужденный от мира простых человеческих переживаний, честолюбивый и эгоистически замкнувшийся в себе, ни главные герои романов Бальзака, Диккенса, Флобера или Теккерая не могут сравниться по высоте интеллекта, широте нравственных запросов и идейных исканий с центральными образами русского романа.

В этом заключается секрет той симпатии, с какой русские писатели-романисты XIX в. относились к творчеству Байрона, Жорж Санд, Гюго, к романам таких сравнительно второстепенных западных романистов середины и второй половины XIX в., как Шпильгаген или Андре Лео. В творчестве писателей-романтиков, а позднее в произведениях второстепенных романистов, более скромных по масштабу своего дарования, но нередко более тесно связанных с передовым идейным движением, чем романисты более крупного плана, русских писателей привлекало стремление к созданию образов людей высокого нравственного уровня, поднимающихся в своих идейных и моральных исканиях до осознания общих пороков существующего строя жизни или вступающих с ним в конфликт. Но, ставя перед собой задачу воплотить образы русских людей такого же уровня, великие русские романисты стремились решить эту задачу принципиально иначе, пользуясь методами не романтического, а реалистического искусства.

Центральными темами западноевропейского реалистического романа XIX в. были обычно разгул хищничества, победа темных, собственнических инстинктов, темы утраченных иллюзий, измельчания и гибели личности. В русском же романе XIX в. центральное место занял образ страстно ищащего, мятущегося и борющегося человека, который, разрывая путы окружающих его общественных условностей и преодолевая свои собственные иллюзии, с громадным трудом стремится «дойти до корня», разобраться в окружающей его сложной путанице отношений, понять наиболее глубокие стороны своего личного и общественного бытия. В характерном для русского романа образе героя, мысль которого то более прямыми, то более сложными и зигзагообразными путями движется вперед, стремясь уяснить себе подлинную, не затемненную предрассудками общественных верхов и другими социальными условиями правду жизни, заключена одна из важнейших причин, способствовавших силе его интеллектуального, морального и эстетического воздействия на последующие поколения.

Герои романов Тургенева, Толстого, Достоевского, Чернышевского, Горького принадлежат к различным общественным классам. Различно между собой и мировоззрение всех этих писателей. Но чертой, объединяющей центральных героев их романов, является то, что окружающая жизнь

становится для этих героев предметом глубоких и напряженных размышлений. Мысль героя в русском романе как бы втягивает в себя одну за другой различные стороны общественной жизни, подвергая их острому и придирчивому анализу, теоретически и практически поверяя их собственным опытом. Из «малого» мира семьи романист ведет своего героя по мере его развития в «большой» мир родины, народа, человечества — и это позволяет ему, рисуя судьбу отдельного человека (и в этом смысле оставаясь «историком частной жизни»), наполнить роман до краев огромным и разносторонним общественным содержанием, сделать его широким, неисчерпаемым зеркалом всего богатства национальной жизни.

Рисуя эпопею духовного пробуждения и исканий передовой личности — исканий, тесно связанных в конечном счете с основными проблемами национальной жизни данной эпохи, отражающих борьбу различных путей развития, которые были объективно возможны для личности в тех или иных условиях, крупнейшие русские романисты сумели сохранить верность принципам реалистического искусства. Они оставались чужды той идеализации своих героев и их исканий, которая, как отметил еще Белинский, составляла главную художественную слабость романов Ж. Санд и других представителей романтического социального романа на Западе,— писателей, нередко жизненно связанных с мелкобуржуазно-демократическим движением, но при этом разделявших и всественные этому движению иллюзии, утопические мечтания и чаяния. Стремясь помочь духовному и нравственному пробуждению читателя, великие русские романисты относились к этой задаче с глубокой демократической серьезностью. Они не скрывали от читателя реальной трудности предстоявшей ему борьбы, тех трагических, а порой и неразрешимых противоречий, которые с неизбежностью открывались перед умственным взором мыслящего и ищущего человека в условиях антагонистического классового общества; стремились дать читателю возможность критически разобраться в окружавшей его социальной жизни, не игнорируя ее реальной светотени, ее сложности, исторической пестроты и многообразия ее явлений. И вместе с тем, не скрывая от читателя всей — порою страшной — правды жизни, русские романисты стремились отнюдь не парализовать нравственное сопротивление читателя и его волю к борьбе, а, напротив, поднять и укрепить их, повысить стойкость передовой, мыслящей части русского общества и ее непримиримость в борьбе со злом.

Полные страстного критического отношения к утверждающемуся на их глазах новому буржуазному строю, великие русские писатели-романисты подвергли глубокому критическому анализу и самый тип передового героя своей эпохи. Увлеченность лучшими, светлыми, поэтически привлекательными чертами характера передового русского человека своего времени, умение видеть в нем скрытые зачатки будущего, глубокий интерес и сочувствие к его исканиям Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой могли сочетать с трезвой критической оценкой реальных возможностей своего героя, определяемых временем и исторической обстановкой (а нередко также и обусловленных этой обстановкой внутренних противоречий характера героя).

Мы видели, что художественная красота и идейная мощь русского романа XIX и начала XX в. теснейшим образом связаны с интеллектуаль-

ной и нравственной высотой, эстетической значимостью и огромной емкостью образов его центральных героев — Онегина и Печорина, Лаврецкого и Базарова, Раскольникова и Ивана Карамазова, Андрея Болконского и Левина, Рахметова и Павла Власова. Вместе с тем своей мировой славой русский роман обязан созданному им образу русской женщины.

Разрушение средневековых устоев, развитие буржуазных общественных отношений способствовали во всех передовых странах превращению женщины в несравненно более активного и сознательного участника общественной жизни, чем это было во все предшествующие эпохи исторического развития. Эта перемена в положении женщины и в уровне ее критического, сознательного отношения к жизни, вызванная объективным ходом общественного развития при капитализме, имела огромное значение для судей мирового романа в новое время. Хотя женские образы часто занимали важнейшее место уже в античном и средневековом любовном романе, но лишь в романе XVII и в особенности у романистов XIX в. образ женщины приобретает объемность, глубину, сложные психологические очертания. Нередко героиня благодаря своим интеллектуальным и нравственным качествам выдвигается теперь на первое место, так что ее суд над мужскими персонажами становится определяющим для авторской и читательской оценки.

Рост самостоятельности женщины, повышение уровня ее сознательно-критического отношения к жизни, борьба женщины за свою нравственную независимость, за равноправное положение в семье и в обществе — эти темы, с особой силой выдвинутые ходом исторического развития в XVIII и XIX в. оказали сильнейшее влияние на формирование новейшего европейского романа. Вторжение в ткань романа новых женских образов и новых сюжетных ситуаций, отразившее те сдвиги, которые происходили в это время в общественной жизни, привело во всех национальных литературах к сильнейшему изменению и перестройке самой структуры романа, к вытеснению многих традиционных для романа в прошлом тем и образов, к выдвижению качественно иных, новых идеино-тематических мотивов и персонажей.

Выдвинутые главным образом английскими и французскими романистами во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. женские образы — героини Ричардсона (Памела и Кларисса Гарлоу), Руссо (Юлия Вольмар), мадам де Сталь (Дельфина и Коринна), позднее центральные женские персонажи романов Жорж Санд, Шарлотты Бронте и других женщин-романистов — обрисовали положение женщины в обществе, определившееся в буржуазную эпоху. Образы эти отразили пробуждение сознания женщины, ее усиливающуюся борьбу за свое человеческое достоинство против семейного и социального угнетения, ее стремление найти свое жизненное дело, утвердить свое право на сознательное участие в общественной жизни.

Русский классический роман XIX в. также высоко поднял знамя борьбы за честь и достоинство русской женщины. Не случайно в «Евгении Онегине» Пушкин сопоставляет свою Татьяну не только со Светланой Жуковского, но и с героями Руссо и мадам де Сталь — с Юлией и Коринной. С помощью этих сопоставлений Пушкин как бы выдвигает образ Татьяны в галерею женских образов не только русской, но и всей

миро́вой литературы; он сознательно призывает читателя рассматривать свою героиню в перспективе исторической эволюции образа передовой, мыслящей героини литературы конца XVIII—начала XIX в. В этой эволюции пушкинская Татьяна и другие, последующие героини русского романа заняли свое прочное место в литературе, ознаменовали собой новое важнейшее звено мирового эстетического развития.

Пушкин, Герцен, Тургенев, Гончаров, Писемский, Толстой, Чернышевский, Решетников, Достоевский, Горький широко и разносторонне изобразили в своих романах пробуждение русской женщины из различной социальной среды. Они показали, как под влиянием тех больших и сложных вопросов, которые ставила жизнь, совершался духовный рост этих героинь, усложнялась работа их мысли и нравственного чувства. Если русский роман первой половины XIX в. рисовал преимущественно условия формирования и нравственный образ русской девушки из дворянской среды, то уже в 40—60-х годах XIX в. романисты демократического направления в России все чаще обращались к судьбе женщины из разночинных слоев населения. Во второй половине XIX в. перед русским романом постепенно во весь рост встают вопросы, связанные с пробуждением и жизненными исканиями простой русской женщины из народной среды. В начале XX в. в творчестве Горького русский роман поднимает образ женщины из среды рабочего класса на большую высоту, что до него не было сделано никем из представителей зарубежной литературы.

При всем огромном художественном обаянии и нравственной высоте образов центральных героев и героинь русского романа, в которых запечатлены исключительный размах, широта и глубина исканий, свойственных передовой русской дворянской и демократической интеллигенции XIX в., значение русского романа в истории мировой литературы, разумеется, нельзя объяснить силой и красотой одних лишь этих образов. Не меньшее значение, чем образы центральных героев и героинь русского романа, имел для мировой литературы и всей передовой человеческой культуры опыт русских романистов в изображении народа, их стремление художественно отобразить жизнь и психологию широких масс, правдиво обрисовать их роль в исторической жизни.

Народ, как особая, глубокая и сложная по своему смыслу моральная и идеино-эстетическая проблема, по-разному преломляясь в сознании различных романистов и отражаясь в литературе различными своими гравиями, начинает выдвигаться на одно из центральных мест в западноевропейском романе с конца XVIII в. В «Страданиях юного Вертера» герой психологически и морально отделен от народа, но вместе с тем и соотнесен с ним, связан с простыми людьми, с крестьянами и ремесленниками, многочисленными нитями, что является одной из самых выдающихся черт созданного Гёте образа «молодого человека». В романах Вальтера Скотта широко освещено непосредственное участие народных масс в феодальных распрях, династической и религиозной борьбе в различные моменты исторической жизни Англии и Шотландии. Позднее плеяды великих западноевропейских реалистов осветила социальную дифференциацию народа и экономические условия жизни отдельных его слоев, обрисовала последствия колоссально усилившегося в XIX в. отчуждения города от деревни, проанализировала влияние промышленного переворота на

положение и психологию народных масс, изобразила темноту крестьянства, задавленного капиталистическими хищниками и в то же время стихийно одолеваемого грубыми, собственническими стремлениями и инстинктами. В лице романистов, связанных с чартизмом и с позднейшим рабочим движением, западноевропейский роман отразил начинающееся пробуждение рабочего класса, создал первые образы представителей сознательного, борющегося за свое освобождение пролетариата.

В русский роман XIX в. тема народа, во всю свою ширь поставленная перед литературой уже Радищевым и декабристами, неотъемлемо и органически вошла с творчеством Пушкина. В «Евгении Онегине», «Дубровском», «Капитанской дочке» главные герои не только окружены людьми из народа и постоянно ощущают свою жизненную связь с ними, но и, что особенно характерно, ищут или оказываются вынужденными искать поддержки у этих людей в наиболее трудные, решающие моменты своей личной и общей, исторической жизни. Стремясь решить основные вопросы своего личного существования, лирический герой Пушкина вынужден (добровольно или исторически неизбежно) внимательно взглянуться в жизнь и психологию народных масс, учесть их жизненный опыт, их представления о жизни и моральные идеалы. Под влиянием этого опыта и другие пушкинские герои вносят более или менее глубокие корректизы в унаследованные ими дворянско-сословные представления, которые обычно оказываются гораздо более узкими, менее возвышенно-поэтическими и гуманными, чем идеалы народных масс.

Выдвинутый Пушкиным особый идеально-эстетический подход к теме народа, особый угол зрения на народ и его жизнь стал определяющим для творчества наиболее выдающихся позднейших русских романистов.

Русские романисты не ставили перед собой обычно задачи так широко показать социальную дифференциацию народных масс, исследовать влияние особых бытовых и трудовых условий существования различных слоев народа на их психологию и образ жизни, как это удавалось многим романистам Запада, творившим в условиях более развитого капиталистического общества. По сравнению с очерками писателей-народников, с романами Решетникова, Мамина-Сибиряка, с этнографическим романом конца XIX в., где широко показаны условия жизни и психология различных — с социальной, бытовой и профессиональной точек зрения — разрядов населения, подход к теме народа и изображению народной жизни в романах Тургенева, Толстого, Достоевского носит более обобщенный характер.

Но такой, менее детализированный, более обобщенный, подход к изображению народа и народной жизни давал русским романистам и свое преимущество. Он позволял им выдвинуть на первый план в своих романах общий вопрос о взаимоотношениях народа и образованного меньшинства и о роли каждого из них в национальной жизни. Открытый Пушкиным принцип обрисовки главных героев (происходящих обычно в русском романе XIX в. из дворянской или разночинной среды) в широком и постоянном взаимодействии с народом и его представителями, взаимодействии, которое помогает романисту раскрыть сильные и слабые стороны как персонажей первого плана, так и самого народа в данную эпоху, явился необычайно плодотворным.

На Западе социальные романисты — Бальзак или позднее Золя —

ставили своей задачей, так же как и русские романисты, отобразить в романах целостную картину жизни общества своего времени. Но эту задачу они стремились осуществить аналитическим путем, разлагая общество на отдельные звенья, отводя изображению каждой части общественного организма особый, самостоятельный роман. В соответствии с этим Бальзак отвел изображению французского крестьянства особый роман, входящий в состав «Человеческой комедии» («Крестьяне»). Следуя примеру Бальзака, Золя изобразил жизнь крестьян в «Земле», а жизнь пролетариата — в «Западне» и «Жерминале». Оставляя в стороне влияние на романы Золя его натуралистической теории, наложившей свою печать на его понимание народной жизни, следует подчеркнуть другое: самый принцип аналитического подхода к изображению народа, свойственный как Золя, так и Бальзаку, уже сам по себе имел наряду с сильными и свою слабую сторону. Этот принцип превращал тему народа для романиста в особую, частную тему, стоящую в одном ряду с другими, не позволял понять универсальное, общее значение пародной темы для изображения любых сторон общественной жизни, для создания целостной картины всего общества.

В противоположность аналитическому принципу изображения общества в романах Бальзака и Золя осуществленная Пушкиным, не только как драматургом, но и как романистом, разработка принципа изображения «судьбы человеческой» и «судьбы народной» в их единстве и исторической взаимосвязанности явилась предпосылкой дальнейших открытий русских романистов, сделанных в работе над народной темой. Этот принцип стал основным формообразующим принципом русского классического романа, своеобразным ядром характерной для него синтетической формы изображения общества⁵.

Рисуя жизнь главных героев на фоне народной жизни, постоянно по-разному соотнося их судьбы и психологию с судьбой и психологией народных масс, рассказывая о том, как в решающие моменты своей личной жизни Татьяна ищет поддержки у няни, о том, как Андрей Болконский перед Бородиным задумывается над психологией русского солдата или как Пьер ищет решения мучающих его нравственных вопросов и сомнений, приглядываясь к Карапаеву, о том, как у Дмитрия Карамазова нравственный перелом вызывает сон, героем которого является плачущее крестьянское «дитё», русские романисты нашли такой принцип построения своих романов, который позволял им рисовать национальную жизнь в ее единстве. И вместе с тем этот принцип позволял самое единство ее изображать как взаимодействие господствующих классов и народа, как единство, подразумевающее наличие в народе двух сил, исторически связанных друг с другом и в то же время различных по своей психологии, образу жизни и интересам.

Изображая психологию своих главных персонажей в ее противоречивом и сложном единстве с народной жизнью, показывая, как жизнь сти-

⁵ Ряд интересных соображений о своеобразии жанровой природы и структуры русского романа содержится в статье: Бурсов Б. И. О национальном своеобразии и мировом значении русской литературы // Рус. лит. 1958. № 2. С. 22—32; Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы: Очерки и характеристики. Л., 1976.

хийно и неизбежно приводит героев в решающие минуты личного бытия к мысли о народе, русские романисты XIX в. в силу своего различного классового происхождения и жизненного опыта исходили из весьма несхожих друг с другом общественных идеалов, поэтому они могли по-разному смотреть на народ и народную жизнь, по-разному оценивать ее исторические возможности. Но при всем многообразии конкретных социально-политических тенденций и направлений, свойственных русскому классическому роману, при всем различии взглядов и острой борьбе между писателями либерально-дворянского и демократического направлений, именно демократическая по своей природе мысль о зависимости уровня развития «верхов» от развития «низов», о решающей роли народа в жизни страны была определяющей для творчества великих русских писателей-романистов, сыграла определяющую роль в их работе над реалистическим изображением прошлой и современной им исторической жизни. Широкое художественное претворение мысли о неразрывной связи между любой из сторон национальной жизни и жизнью народа, мысли об исторической неотделимости психологии и судьбы каждой отдельной человеческой личности от психологии и судьбы широких народных масс составляет одно из великих исторических достижений классического русского романа XIX и начала XX в. — в эпоху от Пушкина до Горького.

Великие русские романисты XIX в., начиная с Пушкина, так же как и передовые умы Запада, высоко подняли знамя борьбы за свободное развитие личности. Но уже Пушкин в «Евгении Онегине» отчетливо показал, что индивидуалистическая жизненная философия и мораль эгоистической личности, «глядящей в Наполеоны», враждебны полноценному развитию человеческой индивидуальности. Со времен Пушкина в русском романе объединились две, на первый взгляд резко противоположные между собой, а в действительности взаимно связанные, дополняющие друг друга, темы — тема защиты прав личности и тема критического анализа и развенчания принципов буржуазно-индивидуалистической философии и морали — морали человека, который «для себя лишь» хочет воли.

В условиях пореформенной эпохи русская литература вообще, и русский роман в частности, с особой силой и энергией развернули горячую борьбу «против бессмысленных средневековых стеснений личности»⁶. И вместе с тем отразившийся в литературе подъем «чувств личности», «чувств собственного достоинства» широких слоев населения с особой остротой поставил перед великими русскими романистами вопрос о необходимости отыскать такие формы и пути развития, которые не вели бы личность в тупик мещанского индивидуализма и анархизма, а открывали перед освобожденной от средневековых стеснений личностью широкую перспективу общественной деятельности, облегчали для нее сближение с народом или непосредственно выводили на открытую, прямую дорогу революционной борьбы. Благодаря широкому, всестороннему исследованию путей, которые в тогдашних условиях могли способствовать движению личности в каждом из этих направлений, русский классический роман сохраняет непреходящую ценность для ее воспитания также и в условиях нового, социалистического общества, в котором процесс формирования

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 433.

и развития индивидуальности нового человека — строителя коммунизма приобретает невиданный прежде массовый характер.

Одна из важнейших особенностей развития русского романа XIX в. по сравнению с современным ему западным реалистическим романом состоит в раннем освобождении его от груза «романических» сюжетных условностей, которые еще играли столь заметную роль в западноевропейской романистике первой половины XIX в., включая романы Вальтера Скотта и Купера, Жорж Санд и Гюго, Бальзака и Диккенса. Отвергая «романические» условности, традиционные любовно-авантюрные сюжетные схемы, стремясь приблизить сюжетное построение своих произведений к формам самой жизни и ее повседневному течению, великие русские романисты, в отличие от западноевропейских романистов второй половины XIX в., не ограничивали задачи романа изображением узкого, изолированного «куска жизни». Напротив, они стремились сломать старые шаблоны, для того чтобы наиболее широко и полно выразить во взаимоотношениях, судьбах, идейных столкновениях своих героев весь сокровенный смысл русской жизни своей эпохи.

Белинский вел борьбу против превращения романа в «роман-сказку», в «Шехерезаду» XIX столетия. На примере романов А. Дюма, Э. Сю, П. Феваля и других современных ему второстепенных представителей западноевропейской буржуазной романистики 40-х годов Белинский в последние годы жизни с особой остротой рассматривал вопрос о принципиальном различии между романистами-«сказочниками», ставящими своей целью развлечение или заполнение праздного досуга, и подлинно передовой идейной романистикой своей эпохи. Если в предшествующие времена роман, по мнению Белинского, еще мог соединять в себе «сказочный» интерес с глубоким и серьезным общественным содержанием, то к середине XIX в. пути того вида романа, который Белинский определил как «эпopeю нашего времени», и пути «романа-сказки» разошлись⁷.

После смерти Белинского обоснованная им теория идейного социально-психологического романа подверглась нападкам со стороны А. В. Дружинина и других деятелей либерально-дворянской «эстетической» критики 50-х годов. В своих «Письмах иногороднего подписчика» Дружинин, протестуя против мнимой односторонности взглядов на задачи романа, распространенных среди русских романистов, защищал «внешнюю занимательность», «замысловатость замысла», «тайственность и эффекты» как необходимые условия успеха романистов у русской публики⁸. Однако эти идеи Дружинина, которые он стремился подкрепить анализом английской романистики 40—50-х годов, не встретили сочувствия у современных ему и последующих великих русских романистов.

Тяготение к предельной простоте сюжетного развития, отказ от традиционных авантюрных и «романических» условностей и от готовых шаблонов были характерными чертами уже пушкинской прозы и пушкинского «романа в стихах». В последующий период эти тенденции пушкинского творчества получили новое теоретическое обоснование в эстетике Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского. В 1863 г.,

⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 109—117.

⁸ Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. 6. С. 415—416.

подводя итоги первым десятилетиям развития русского реалистического романа, М. Е. Салтыков-Щедрин с гордостью писал: «Беллетристика наша не может похвальиться капитальными произведениями, но, конечно, никто не упрекнет ее в невоздержности, в фантазерстве и в бесцеремонном служении тому, что по-французски зовут словом *blague*, а по-русски просто-напросто хлестаковщиной. Внешним, чисто сказочным интересом она даже вовсе пренебрегает и, по нашему мнению, поступает в этом случае вполне разумно, потому что жизнь и сама по себе есть сказка весьма простая и мало запутанная... Ибо действительная, настоящая драма хотя и выражается в форме известного события, но это последнее служит для нее только поводом, дающим ей возможность разом покончить с теми противоречиями, которые питали ее задолго до события и которые таятся в самой жизни, издалека и исподволь подготовившей самое событие. Рассматриваемая с точки зрения события драма есть последнее слово или, по малой мере, решительная поворотная точка всякого человеческого существования, и всякое человеческое существование, если оно не совсем уж пустое, непременно имеет свою драму,вязку которой для иных отзовется совершенной гибелью, для других равнодушием и апатией, для третьих, паконец, принижением и покорностью. Дело, стало быть, вовсе не в том, чтобы изобразить событие более или менее кровавое, а в том, чтобы уяснить читателю смысл этого события и раскрыть внутреннюю его историю»⁹.

Отказ великих русских романистов XIX в. от традиционных шаблонных приемов сюжетосложения побуждал их настойчиво противопоставлять разрабатывающуюся ими более свободную форму повествования сложившейся на Западе романической традиции. При этом Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков и некоторые другие русские романисты, рассматривая сложившуюся на Западе к середине XIX в. форму романа как его каноническую форму, нередко утверждали, что возникшая в России иная, более свободная форма повествования лежит за пределами жанра романа в собственном смысле слова¹⁰. В действительности же, как показала последующая история романа, именно разработанная русскими писателями вслед за Пушкиным форма «свободного» романа в наибольшей степени отвечала его новейшей природе, внутренним потребностям его развития в XIX и XX вв.

Показательно то, что, когда творчество великих русских романистов во второй половине XIX и в начале XX в. стало предметом пристального внимания и изучения за рубежом, наряду с гуманистическим пафосом, глубоким социальным и морально-этическим содержанием русского романа восхищение зарубежных читателей вызвала созданная русскими писателями новаторская форма романа, свободная от привычных шаблонов и «романических» аксессуаров. Отрицательное отношение классиков русского романа к сложившимся литературным шаблонам, их стремление передать самое дыхание «живой жизни», подчинить все композиционные элементы романа наиболее полному ее выявлению, отказ от наперед заданных догматических, отвлеченных моралистических критериев

⁹ Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 5. С. 354—355.

¹⁰ См. об этом в кн.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. С. 517—524.

в оценке героев захватывали в романах Тургенева, Толстого и Достоевского передовых литераторов и читателей Западной Европы и США, представлялись им подлинной революцией в истории жанра романа.

Свойственное Толстому и другим великим русским романистам пренебрежение внешней эффектностью сюжетного развития, хитроумной и занимательной, искусно построенной и сознательно усложненной фабулой, стремление их строить свои романы так, чтобы их внешне «неправильная» и безыскусственная форма отвечала «неправильности» и безыскусственности самой изображаемой жизни в ее реальном, повседневном течении, с характерным для нее сложным переплетением индивидуальных и общественных судеб, вначале нередко ставили западноевропейских читателей и критиков в тупик. Многие ранние отзывы зарубежных писателей о русских романистах, и в особенности о Толстом, напоминают отзывы просветителей XVIII в. о Шекспире: подобно Вольтеру, восхищавшемуся мощью и естественностью шекспировского гения и в то же время считавшего его драмы лишенными «истинной» гармонии и вкуса, западноевропейские писатели и критики, знакомясь с творчеством Толстого, нередко были готовы одновременно восхищаться «стихийной» мощью русского романиста и порицать его романы за нарушение в них привычных литературных канонов, за их кажущуюся «бесформенность» и неэффектность. Так, известный английский критик М. Арнольд, характеризуя «Анну Каренину» не как «роман» в традиционном смысле слова, а как «кусок жизни», именно в этом предельном стирании привычных граней между литературой и жизнью видел и главный недостаток творческой манеры Толстого. Подобные же упреки — в пренебрежении законами литературной архитектоники, в «недостатке архитектуры» — не раз раздавались на Западе не только по адресу романов Толстого и Достоевского, но даже по адресу романов Тургенева, хотя в общем романы последнего быстрее и легче вошли в литературный обиход Запада, чем романы Толстого и Достоевского¹¹. Однако если в первые годы знакомства зарубежных писателей и критики с творчеством русских романистов романы Толстого и Достоевского вызывали у них частные упреки в «бесформенности», хаотичности, отсутствии четкой композиции и т. д., то впоследствии за этой лишь кажущейся «бесформенностью» западноевропейская критика постигает (так же как в свое время романтики в драмах Шекспира) присутствие неизвестной ей прежде, но от этого не менее реальной и ощутимой, архитектонической целесообразности. Созданная Толстым и Достоевским новая форма романа, при которой романист стремится как бы охватить и воспроизвести в романе целиком движущийся широкий поток жизни человека и общества со всеми свойственными ему «неправильностями», внезапными перебоями, замедлениями и ускорениями темпа, вызывает теперь горячее восхищение наиболее чутких и передовых представителей мирового искусства, становится для них исходным пунктом в их исканиях, в их работе над художественным воплощением жизненных конфликтов и характеров современности.

¹¹ См.: Brewster D. East-West Passage: A study in literary relationships. L., 1954. Р. 219—229.

В статьях о Пушкине В. Г. Белинский высказал замечательную мысль о том, что значение великих явлений литературы и искусства не представляет собой некоей раз навсегда данной, постоянной величины, так как оно растет и развивается вместе с развитием и изменением самой жизни. История распространения и влияния русского классического романа за рубежом подтверждает эту мысль Белинского.

Историю восприятия русского романа зарубежным читателем нельзя рассматривать только с узкой, историко-литературной точки зрения — как изолированный и замкнутый процесс. Усвоение на Западе русского романа, ставшего явлением общемировой культуры, было тесно связано в XIX в. с общим усилением влияния передовой русской культуры на передовую культуру других народов, с развитием русского освободительного движения, превратившегося в передовой отряд международного революционного движения. Вместе со сменой исторической обстановки в самой России, вместе с созреванием в ней могучих революционных сил и перемещением центра мирового революционного движения в Россию рос и постоянно увеличивался во второй половине XIX и в начале XX в. интерес к русской литературе и к русскому роману в Западной Европе и во всем мире.

Уже в 40-е и 50-е годы XIX в. на ряд западноевропейских и славянских языков переводятся прозаические произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена. Не только среди многочисленных культурных деятелей в славянских странах, но и среди выдающихся умов других стран Запада русские роман и повесть находят себе в это время отдельных тонких и проницательных ценителей, какими были, например, К. Фарнгаген фон Энзе в Германии или П. Мериме во Франции.

«Если теперь вообще время читать романы, — писал в 1851 г. в рецензии на первый роман А. И. Герцена «Кто виноват?» один из немецких журналов, — то стоит читать одни русские... Этот народ открывает перед человеком новый мир. Русским романам присущи не меньший дар наблюдательности и практическая твердость, чем английским, но по сравнению с последними они обладают тем огромным преимуществом, что не отдают себя на служение тривиальным традициям давно уже пережившего себя мировоззрения, но с полнейшей интеллектуальной свободой раскрывают в своих художественных образах все вопросы, волнующие человечество»¹².

В 50—60-е годы революционная деятельность Герцена, возраставшие и крепнувшие связи между деятелями русского и славянского освободительного движения, пропаганда русской литературы за рубежом, осуществлявшаяся Тургеневым, его близкое общение с французскими и немецкими литераторами способствуют более широкому, объективному и всестороннему ознакомлению западноевропейского читателя с русской культурой и литературой¹³. Возросший в годы Крымской войны и в особен-

¹² Deutsche Monatsschrift. 1851. Bd. II. № 6(1). S. 366—375.

¹³ Роль Тургенева как популяризатора творчества русских романистов на Западе подробно освещена в ст.: Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Тр. Отдела новой рус. лит. М.; Л., 1948. Т. 1.

ности в период крестьянской реформы интерес широких слоев населения западноевропейских стран к России и к русской культуре явился предпосылкой для оживления в 60-е годы изучения русского языка и переводческой деятельности с русского на западноевропейские языки.

В 1868 г. Мериме, публикуя свои статьи о Пушкине и Тургеневе, отмечал популярность Тургенева во Франции и называл его одним из вождей реалистической школы в мировой литературе. В 60-е и 70-е годы романы Тургенева завоевывают широкое признание на Западе и в США, вызывая горячее восхищение таких популярных в эти годы немецких критиков, как Ю. Шмидт, таких англо-американских писателей, как Г. Джеймс, Т. Перри и Д. Хоуэллс, которые кладут принципы Тургенева-романиста в основу своей литературно-эстетической программы.

«Чем более я изучаю вас, тем более глубоко изумляет меня ваш талант. Я восхищаюсь этой сдержанной страстью, этим сочувствием к самым маленьким людям, одухотворенностью картин природы... Какое сочетание нежности и иронии, наблюдательности и красочности! И как все это согласованно!.. Какая уверенная рука!.. Но более всего заслуживает похвал ваше сердце, то есть постоянная взволнованность, какая-то особенная восприимчивость, глубокое и потаенное чувство», — писал Г. Флобер Тургеневу после знакомства с «Рудиным» и «Записками охотника»¹⁴. Позднее чтение романа «Новь» вызывает у Флобера новый прилив восхищения, побуждая его воскликнуть: «Как он оригинален, как хорошо построен!.. ни одного лишнего слова! Какая неистовая, потаенная сила!»¹⁵

По совету Тургенева Флобер, Г. Мопассан, А. Доде, Э. Гонкур, Э. Золя в 1877—1879 гг. знакомятся с «Войной и миром» — романом, вызвавшим у Флобера «возгласы восхищения»¹⁶. В этот же период западноевропейская революционная молодежь, деятели славянского национально-освободительного движения получают доступ к «Что делать?» Чернышевского. В 80-е и 90-е годы переводы романов Толстого и Достоевского, а также других русских романистов — вплоть до многочисленных переводов произведений романистов второго и третьего плана — довершают знакомство передового западноевропейского и вообще зарубежного читателя с творчеством русских романистов. Прочное вхождение русского романа с 70—80-х годов в круг мировой классической литературы порождает постоянно растущую с этого времени критическую литературу о русском романе на западноевропейских языках, весьма разнообразную и пеструю по своей идеологической окраске, а также способствует формированию за рубежом специальных квалифицированных кадров переводчиков русской классической литературы (К. Гарнетт в Англии, И. Хэнгуд в США и др.). Вслед за многочисленными рецензиями на русские романы, критическими статьями о Гоголе, Тургеневе, Толстом, появившимися на различных языках в период с 50-х по 80-е годы, в 80-е годы выходят зарубежные книги о русских писателях-романистах — монографии Э. Дюпюи (1885), М. Вогюэ (отдельное изд. — 1886) и т. д.

¹⁴ Новый мир. 1955. № 6. С. 305.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1938. Т. 8. С. 56.

Особенно большую известность на Западе приобрела в 80—90-е годы книга французского критика Мелькиора де Богюэ «Русский роман», переведенная на многие западноевропейские языки. Заслуга Богюэ состоит в том, что он в середине 80-х годов прошлого столетия с большой силой поставил вопрос о реализме русского романа, указав на его связь с гуманизмом русской литературы, с ее этическим пафосом, отзывчивостью к человеческим страданиям, вниманием к внутреннему миру человека. Но, выступив в качестве горячего пропагандиста русского романа на Западе, Богюэ был в то же время родоначальником многих ложных, путанных представлений о нем, получивших в последующие десятилетия широкое хождение в буржуазной критике. Консерватор и идеалист, Богюэ рассматривал русский роман в отрыве от общественной жизни России и освободительной борьбы, стремилсятенденциозно представить его в качестве выражения непознаваемых, вечных и неизменных свойств русского национального характера. Тем не менее книга Богюэ сыграла значительную роль как источник информации о творчестве русских романистов, в особенности Толстого и Достоевского.

В 1886 г. А. Н. Пыпин в связи с выходом книги Богюэ отмечал «настоящее торжество» русской литературы на Западе, выражившееся в «целом дожде переводов» и в многочисленных отзывах зарубежных писателей и критики, единодушно писавших о новизне и оригинальности русского реализма¹⁷. «Знаменитые английские романисты умерли, не оставив преемников. Господствующее положение, которое утратил французский роман, наследует не английский, а... русский роман, — писал влиятельнейший английский критик М. Арнольд. — Последний приобрел сейчас величайшую славу, которую он заслуживает. Если новые литературные произведения поддержат и укрепят ее, то всем нам придется заняться изучением русского языка»¹⁸.

Горячий энтузиазм, который вызвали у западноевропейских читателей и критики в 70—90-е годы романы Тургенева, Толстого, Достоевского, способствовал повсеместному росту в этот период интереса также к другим эпохам и к остальным жанрам русской литературы — к рассказу, повести и драматургии. По замечанию одного из исследователей развития европейского романа в конце XIX в., русский роман, значение которого как «наиболее выдающейся основы всего реалистического повествовательного искусства», «вершины человеческого творчества» в этом жанре было осознано в 80—90-е годы, сыграл для Западной Европы решающую роль в деле «открытия» мирового значения русской литературы в целом¹⁹.

По выражению английского критика Г. Фелпса, русский роман стал с конца XIX в. неотъемлемой частью «европейской классики»²⁰. Его возрастающее влияние явилось, по свидетельству английского писателя Д. Голсуорси, «великим живительным течением в море современной литературы»²¹. Высокая идейность русского романа, его гуманизм, свой-

¹⁷ Вестник Европы. 1886. № 9. С. 301.

¹⁸ Matthew Arnold. Essays in Criticism. Second series. L., 1888. P. 254.

¹⁹ Gerschmann. Studien über den modernen Roman. Königsberg, 1894. S. 40, 117.

²⁰ Phelps G. The Russian novel in English fiction. L., 1956. P. 11.

²¹ Там же. Ср.: Воропанова М. И. Д. Голсуорси о русской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1958, Т. СXXX. Вып. 3.

ственным ему энциклопедический охват общественной жизни, его публицистичность и политическая страсть — все эти черты производили огромное впечатление на передовых писателей и читательскую аудиторию Западной Европы. «Та страстная горячность, с которой русские писатели в своих романах стремятся решать проблемы, которые в Западной Европе обычно были достоянием ученого, политика или публициста, оказала живительное и освежающее действие на все литературы Запада», — писал в 1920-е годы, выражая общую оценку значения русского романа для мировой литературы, сложившуюся к этому времени за рубежом, один из многочисленных авторов статей о русской литературе²².

Выше уже отмечалось, что одной из особенностей русского романа, рано осознанной и передовой литературой, и литературной критикой Запада, была свобода от привычных на Западе сюжетных шаблонов и условностей. Русский роман в 70—80-е годы стал для крупнейших писателей Запада и США классическим образцом отрицания мертвой дидактики, книжных шаблонов и литературных схем во имя свободного, широкого и всестороннего изображения правды жизни,—изображения, проникнутого высоким гуманизмом, верой в достоинство и ценность человеческой личности²³. Вместе с тем уже в эти годы наиболее передовые и проницательные умы Запада подошли к пониманию того, что эстетические открытия великих русских романистов, характер их реализма были нераздельно связаны с общественным, гражданским пафосом русской литературы, с характером ее патриотизма, который сделал русскую литературу литературой «борьбы»²⁴. Если Э. Золя видел в Толстом прежде всего «мощного аналитика» и «глубокого психолога»²⁵, то те зарубежные писатели и критики, которых не удовлетворял реализм Золя и его школы, указывали, что источником превосходства русского реализма над французским являются гуманизм русских романистов и их вера в творческую активность человека. Сопоставляя произведения романистов русской реалистической школы с произведениями французских натуралистов, многие писатели Запада считали решающим различием между теми и другими то, что в отличие от французских натуралистов, видевших свою задачу по преимуществу в изображении физической и духовной нищеты и прииженности, русские романисты, напротив, стремились показать активность своих героев, их стремление к борьбе, умели вызвать в читателе (даже тогда, когда их герои не могут победить силы враждебных обстоятельств и вынуждены им уступать) гордость за людей, которые способны переносить свои страдания с такой нравственной высотой, стойкостью и отзывчивостью к окружающим²⁶. «Он писал романы и драмы, — заметил в 1884 г. о Тургеневе один из его первых американских почитателей Генри Джеймс, — но настоящей, великой драмой его жизни была борьба за лучшее положение вещей в России»²⁷.

²² Realllexikon der deutschen Literaturgeschichte. B., 1928—1929. Bd. 3. S. 133.

²³ См.: Gettman R. A. Turgenev in England and America. Urbana, 1941. P. 28—82.

²⁴ См. об этом: Прийма Ф. Я. Начало мировой славы Л. Толстого // Рус. лит. 1960. № 4. С. 48.

²⁵ Zola E. Mélanges, prefaces et discours. P., 1929. P. 255.

²⁶ См.: Brewster D. East-West Passage. P. 150—155.

²⁷ Ibid. P. 102 — 103.

Русский роман XIX и XX вв. явился одной из вершин реализма в мировой литературе. И вместе с тем этот роман в классических образах запечатлел для народов других стран, для современных и будущих поколений те особенности духовного склада русского народа, которые с наибольшей силой проявились в его революционно-освободительной борьбе, приведшей к победе социалистической революции в России. Эта связь передовой русской литературы с освободительным движением сделала ее огромной, могучей по своему воздействию на умы жизненной силой.

«Слава русских романистов вытеснила славу английских благодаря их правдивости, — писал о русском романе один из исследователей новейшей английской литературы. — В отличие от англичан, русские романисты никогда не стремились быть только мастерами смеха и слез... В умах их зарождались философские системы, планы революционных преобразований. Антагонизм по отношению к современной цивилизации — таков основной тон их учений»²⁸. С еще большей энергией и убежденностью ту же мысль выразил в годы второй мировой войны английский критик В. Притчет: «Большим преимуществом русских романистов было то, что они должны были содействовать решению русского вопроса, который стал вместе с тем всеобщим вопросом человечества — вопроса о значении и необходимости подъема народных масс»; «Если мы попытаемся определить то качество русского романа, которое способствовало его исключительному престижу, решающим для нас явится слово «реализм». У русских романистов за непосредственно изображаемыми ими образами всегда стоял иной мощный образ, который поднимал русский реализм на несколько дюймов над землей, — судьба России... А кто произносит слово «Россия», тот говорит одновременно: „человечество“»²⁹.

Огромное освободительное влияние русского романа переживают в этот период не только уже сложившиеся писатели старшего поколения, но и молодые Томас и Генрих Манны, Ромен Роллан, Джон Голсуорси, Теодор Драйзер и другие формировавшиеся тогда многочисленные представители гуманистической литературы Запада и Востока.

В автобиографических записях и «Дневниках» Роллана, в его «Жизни Толстого» (1911), в книге Т. Манна «Гёте и Толстой» (1922) и в ряде позднейших высказываний его о творчестве русских писателей-романистов, в книгах и статьях о русских писателях А. Франса, С. Цвейга, Б. Шоу, Д. Голсуорси, Э. Гарнета, А. Беннета и многих других прогрессивных писателей Запада начала XX в. отражена та огромная дань уважения и признательности, которую испытывали к ним их западноевропейские современники. «Создатель эпических полотен Толстой, — писал А. Франс, — наш общий учитель во всем, что касается описания внешних проявлений характеров и скрытых движений души; он наш общий учитель по богатству созданных им образов и по силе творческого воображения, он наш общий учитель по безошибочному отбору тех обстоятельств, которые дают читателю ощущение жизни во всей ее бесконечной сложности... Толстой служит нам также неподражаемым примером нравственного благородства, мужества и великодушия. С героическим спокойствием

²⁸ Frierson W. C. The English Novel in Transition. 1885—1940. University of Oklahoma-Press, 1942. P. 135.

²⁹ New Statesman and Nation. 1942. 17 January; 25 April.

и грозной добротой он разоблачил все преступления общества, которое требует от законов лишь одного — закрепить присущую им несправедливость и насилие»³⁰. «Борцы и герои... мученики великой ответственности перед идеей человечества», по выражению Т. Манна³¹, русские писатели-романисты в условиях того идеологического кризиса, который был вызван эпохой империализма, помогли укреплению линии новой демократической и гуманистической литературы на Западе и в США. Не случайно, отвечая в 1927 г. на вопрос о двенадцати лучших романах мировой литературы, Д. Голсуорси назвал среди них два романа Л. Толстого и три Достоевского, а его современник А. Беннетт отнес к числу лучших романов вообще только произведения русских романистов (Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого). В то же время творчество русских романистов помогло писателям Китая, Индии и других стран Востока в поисках тех путей, которые вели в этих странах к созданию новой национальной литературы — литературы, возникшей на основе ломки старых, средневековых литературных традиций, широкого приобщения писателя-романиста и повествователя к запросам современной социальной жизни своего народа и всего человечества.

«Русская литература, — писал китайский писатель Лу Синь, — раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу; мы загорались надеждой, читая произведения сороковых годов. Мы горевали вместе с героями произведений шестидесятников»³². Из русского классического романа китайские писатели, по свидетельству Лу Синя, «поняли самое важное, что в мире существуют два класса — угнетатели и угнетенные»³³.

В XX в. произведения русских романистов переводятся на все основные восточные языки, входят в широкий читательский обиход в Индии, Китае, Корее, Японии, в арабских странах и Латинской Америке. В переводах и популяризации русского классического романа активно участвуют крупнейшие писатели этих стран, в том числе Лу Синь, Прем Чанд, Р. Тагор³⁴.

При огромном воздействии русского романа в конце XIX и в начале XX в. на литературу всего мира неудивительно, что мимо творчества русских романистов не могли пройти нередко представители самых различных, иногда прямо противоположных литературных и общественно-политических направлений и группировок. Превращаясь в явление общеевропейской и мировой культуры, русский роман, как каждое крупное литературное явление, в специфических условиях каждой страны и эпохи воспринимался неодинаково; разные литературные школы и группировки осознавали его смысл и значение по-разному, извлекали из него для себя далеко не однородные уроки, раскрывали в своих высказываниях о рус-

³⁰ Франс А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 718.

³¹ Современный Запад. 1923. № 3. С. 241.

³² Лу Синь. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 99.

³³ Там же.

³⁴ О воздействии русского классического романа на литературы Востока и Латинской Америки см.: Крачковский И. Ю. Русско-арабские литературные связи // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1956. Т. 3. С. 267—332; Астуриас М. А. Русская литература в странах Латинской Америки // Культура и жизнь. 1958. № 3. С. 46—49.

ском романе различные пласти его идейного и психологического содержания. Вокруг оценки творчества русских романистов на Западе и вообще за рубежом зачастую вспыхивала острая литературная полемика, напряженная идеальная и эстетическая борьба, в которой сталкивались между собой передовая и реакционная литературно-эстетическая мысль. На творчество русских романистов, на их художественные принципы стремились по-своему опереться не только представители передовой гуманистической и демократической литературы, но и писатели идеально сложные, противоречивые, а нередко и прямо реакционные. Отсюда большая сложность и многообразие проблем, связанных с изучением судеб русского романа за рубежом, необходимость конкретного анализа идейного и политического содержания различных откликов на русский роман, его многообразного влияния на творчество зарубежных писателей-романистов³⁵.

Как ни было значительпо в конце XIX и начале XX в. влияние русского романа на зарубежные литературы, его значение было бы неверно сводить только к воздействию на развитие мировой романистики. Не менее велико было значение русского романа для революционного движения, его влияние на формирование умов передовой демократической и социалистической молодежи во всем мире. Эти стороны идейного и эстетического содержания русского романа получили отражение в отзывах о нем крупнейших деятелей международного революционного движения.

Изучая экономическую и социально-политическую жизнь России второй половины XIX в., К. Маркс наряду с русской экономической литературой и публицистикой уделил пристальное внимание «Евгению Онегину» Пушкина, произведениям Гоголя и Тургенева, сатирическим циклам Щедрина. В 1885 г. Ф. Энгельс в письме к М. Каутской отметил идейные и художественные достоинства превосходных романов русских писателей³⁶ — достоинства, ставшие особенно ощутимыми для зарубежного читателя в последней четверти XIX в., на фоне многочисленных симптомов реакционного перерождения и упадка буржуазной культуры в капиталистических странах Западной Европы. Высокую оценку русскому роману как великому, подлинно классическому литературному явлению в следующий период дали Ф. Меринг, Р. Люксембург, К. Цеткин, Г. В. Плеханов. Как уже говорилось, широкое и многостороннее освещение вопроса о мировом значении русской классической литературы в начале XX в. получил в работах В. И. Ленина.

Наряду с произведениями Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Щедрина с конца XIX в. усиливается влияние на мировую литературу

³⁵ Различное с идеологической и эстетической точек зрения восприятие разными писателями и литературными группировками творчества русских романистов, борьба передовой и реакционной литературно-эстетической мысли в связи с оценкой русского романа за рубежом освещены в ряде исследований советских ученых. См.: Русская литература в оценке современной зарубежной критики. М., 1973; Русская литература и ее зарубежные критики. М., 1974; Русская литература в оценке современной зарубежной критики. М., 1981; Лит. наследство: Толстой и зарубежный мир. М., 1965. Т. 75, кн. 1, 2; Л. Н. Толстой и всемирная литература. М., 1980; Мотылева Т. Толстой и Достоевский за рубежом // Мотылева Т. Л. Роман — свободная форма: Статьи последних лет. М., 1982; Фридлендер Г. Достоевский и мировая литература. М.; Л., 1982.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Гл. 36. С. 333.

«Былого и дум» Герцена, «Что делать?» Чернышевского, «Записок революционера» П. А. Кропоткина, романов С. М. Степняка-Кравчинского и других произведений русских писателей-демократов, в которых получили отражение идеалы русского революционного движения, образы его непосредственных героических участников. Особенno большое значение «Что делать?» Чернышевского, автобиографические произведения Герцена и Кропоткина, романы Степняка-Кравчинского и других народнических революционеров имели на Западе для революционной молодежи, для тех писателей западных и южнославянских стран, стран Востока и США, которые в своем творчестве были непосредственно связаны с революционным и социалистическим движением.

Исключительно велико было значение творчества русских романистов для развития культуры, литературы, общественной мысли народов СССР, для культуры славянских народов. Под идейным и эстетическим влиянием русского классического романа в XIX и начале XX в. формировались украинская и белорусская проза, совершалось становление и развитие жанра романа в эстонской и латышской, грузинской и армянской литературах, в литературах Польши, Чехии, Болгарии. Г. Сенкевич, М. Конопницкая, Б. Прус, Э. Ожешко в Польше, А. Ирасек в Чехии, И. Вазов в Болгарии сумели во многих своих произведениях живо и творчески воспринять принципы русского реалистического романа и развить их в национальном духе. Созданный Тургеневым образ болгарского революционера-патриота Инсарова — борца за освобождение своей родины от турецкого ига — сыграл исключительную роль в истории умственного пробуждения нескольких поколений передовой болгарской молодежи. Еще более глубокий след оставил, по свидетельству Г. Димитрова, в сознании деятелей последующего демократического и пролетарского движения славянских стран Запада образ героя «Что делать?» Чернышевского — Рахметова.

Подъем русского крестьянского и пролетарско-социалистического движения в начале XX в. революция 1905—1907 гг. раскрыли для широкого международного читателя в русской классической литературе в целом, и в русском романе в частности, новые стороны. В эти годы во всем мире усиливается интерес к творчеству основоположника социалистического реализма М. Горького, воспринятыму в органической связи с развитием русской революции и подъемом освободительной борьбы русского рабочего класса. Одновременно возрастает интерес к предшественникам и современникам Горького, большим и малым, что находит отражение в новой волне переводов произведений русских романистов на иностранные языки, в посвященных им критических статьях и исследованиях.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новый период в истории мировой славы, мирового влияния и критического истолкования за рубежом русского классического романа.

Русский роман стал после Октября для миллионов людей во всем мире одним из главных источников приобщения к истории, культурным и литературным традициям, духовным ценностям того народа, который первым совершил у себя на родине социалистическую революцию и открыл человечеству путь к социализму.

Победа социализма в СССР побудила представителей прогрессивной

интеллигенции и передовых читателей Запада и Востока взглянуть на русскую классическую литературу с новой точки зрения — как на отражение того исторического пути, который привел пролетариат и народные массы России к революции и к социализму. Этот новый подход к классическому русскому роману, свойственный Т. Манну, А. Цвейгу, А. Зегерс, Л. Арагону, Ю. Фучику, Лу Синю, явился серьезным шагом вперед в освоении зарубежным читателем русского классического романа, в раскрытии его социального содержания, общественных и моральных идеалов.

Выше отмечалось, что история распространения и восприятия русского романа за рубежом сопровождалась на всем ее протяжении глубокой идейной и эстетической борьбой, которая продолжается и в наши дни. Не только лучшие, передовые романисты Запада и США стремились и до сих пор стремятся в своей борьбе с империалистической реакцией опереться на идейные и эстетические традиции русского реалистического романа. К творчеству Толстого и Достоевского обращались и обращаются в наши дни нередко представители реакционных литературных и общественных сил, стремясь использовать их наследие в своей борьбе с миром демократии и социализма.

Идейную и идеологическую неоднородность, которая характеризовала в прошлом и характеризует в наши дни восприятие русского классического романа передовыми зарубежными читателями и писателями, с одной стороны, и представителями реакционных литературно-общественных сил — с другой, необходимо учитывать и при оценке многочисленных зарубежных работ о русском романе и отдельных его представителях.

Мировая слава русского классического романа, его огромное международное влияние в наши дни, интерес к нему широких масс читателей во всем мире вызвали к жизни многочисленные статьи и исследования ученых буржуазных стран Западной Европы и США о русском романе, о распространении произведений русских романистов за рубежом и их влиянии на многих крупных деятелей зарубежной литературы. Однако исследования эти далеко не однородны по своему характеру и целям. Среди них есть немало добросовестных трудов серьезных ученых, искренне любящих русскую классическую литературу и русский роман, стремящихся способствовать развитию культурных связей между своими народами и народами Советского Союза. Но встречаются среди зарубежных работ о русском романе и враждебные советским людям, лживые писания, далекие от целей подлинной науки. В таких работах реакционных буржуазных ученых русский классический роман противопоставляется советской литературе, роману социалистического реализма, а идейное и художественное содержание произведений великих русских романистов искусственно приспособляется к потребностям модернистских школ и групп с характерным для них субъективизмом и ущербным психологизмом.

В этих условиях важная роль выпадает на долю работ советских ученых и ученых других стран социалистического лагеря, трудов прогрессивных писателей и историков литературы, деятелей коммунистических и рабочих партий капиталистических стран, которые посвящены раскрытию подлинного идейного и социального содержания и эстетических принципов русского классического романа, истории его развития и мирового влияния, выяснению значения его традиций для литературы социалистического реализма, для всей передовой литературы нашего времени.